

А. Г. Дружинин

ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ ТУРБУЛЕНТНОСТЬ И ЕЕ ЭКОНОМИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЕКЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ЗАПАДНОГО ПОРУБЕЖЬЯ РОССИИ)

5

Социально-экономическое развитие стран и регионов планеты в последние десятилетия испытывает воздействие ширящегося противостояния глобальных и региональных «центров силы», их нарастающего геоэкономического и геополитического соперничества, сопровождаемого в том числе и усиливающейся геополитической турбулентностью. Цель статьи – обосновать данное понятие в его общественно-географической проекции (акцентировав внимание на геополитической турбулентности и ее проявлении применительно к территориальной организации общества и ее структурам), раскрыть важнейшие аспекты пространственного реструктурирования российской экономики под воздействием геополитических изменений последних лет, высветить и оценить резистентность экономики регионов Западного порубежья России к геополитической турбулентности. Особое внимание при этом уделено типологизации порубежных регионов, проведенной с учетом воздействия на региональные социально-экономические системы геополитической турбулентности и компенсационных мер государственной поддержки. Предлагается также общее концептуальное видение геополитической турбулентности как перманентной (слабо прогнозируемой и лишь отчасти регулируемой) череды изменений – не только глобального политического миропорядка, но и положения в нем конкретной страны и ее отдельных пространственных составляющих (регионов, крупных городских агломераций). Причем изменения эти фиксируемые, существенные для общества и его структур, отражаемые в общественном сознании, воплощенные в научном дискурсе.

The socio-economic development of countries and world regions during recent decades has been affected by the confrontation of global and regional centres of power, their growing geoeconomic and geopolitical rivalry, accompanied by increasing geopolitical turbulence. The article aims to substantiate the concept of geopolitical turbulence in its socio-geographical projection. Special emphasis is made on its manifestations in the territorial organization of society and its structures. The author reveals the most relevant aspects of the territorial restructuring of the Russian economy, which is being influenced by recent geopolitical changes. The author assesses the economic resistance of Russia's western border regions to geopolitical turbulence. Special attention is paid to the typology of border regions, which is built taking into account the impact of geopolitical turbulence and compensatory measures of state support on regional socio-economic systems. The study offers a general conceptual vision of geopolitical turbulence as a permanent (poorly predictable and only partially regulated) series of changes in the global political order as a whole

and in the position of a particular country and its spatial units – regions and large urban agglomerations. Such changes are obvious and significant for society; they are reflected in the public consciousness and embodied in scientific discourse.

Ключевые слова: геополитика, геополитическая турбулентность, Россия, западное порубежье, регионы, региональное экономическое развитие.

Keywords: geopolitics, geopolitical turbulence, Russia, Western Borderlands, regions, regional economic development.

Введение

6

Еще в начале 1970-х гг. блестящий методолог и теоретик социально-экономической географии Ю.Г. Саушкин [16] очень верно предрекал грядущее «усложнение» географической картины мира, акцентировал необходимость видения все большей «многомерности» пространственных явлений и процессов. Соответствующая данному тренду, последующая многократно высвечиваемая лидерами нашей науки [13; 24] глубинная дифференциация общественно-географического знания (сопровождаемая в том числе и активизацией собственно политико-географических исследований [9], утверждением в нашей науке геополитических идей и концептов [14]) протекала на фоне осмысления (и актуализации) все новых и новых детерминант пространственной социально-экономической динамики, включая и многоаспектные геополитические обстоятельства. Наблюдаемое в последнее десятилетие ширящееся противостояние глобальных и региональных «центров силы», их нарастающее соперничество (в военно-стратегической, технико-технологической, экономико-финансовой, социокультурной и иных сферах) сопровождается в том числе и процессами, которые уместно обозначить словосочетанием «геополитическая турбулентность». Цель статьи – концептуально обосновать данное понятие, высветить его общественно-географические проекции, сконцентрировав внимание на экономических (экономико-географических) эффектах проявления геополитической турбулентности в пределах Западного порубежья России.

О понятии «геополитическая турбулентность»

Термин «турбулентность» (изначально присущий лексикону естественных наук, в первую очередь – физики) в последнее время стремительно укореняется в общественном сознании, все чаще фигурируя и в характеристиках современных международных процессов. В соответствующем дискурсе циркулируют, в частности, представления о «глобальной турбулентности» [11], «турбулентности глобальной геополитики» [12], «геоэкономической турбулентности» [2]. Причем во всех случаях (вне зависимости от конкретного смыслового и предметного контекста) слово «турбулентность» означает прежде всего *стремительность, неупорядоченность* процесса, и конструируемая на его основе картина *турбулентного миропорядка* не только предельно созвучна совре-

менным реалиям, но и выступает антитезой, контрверсией по факту оказавшимся весьма иллюзорными (навеянными среднесрочной глобальной конъюнктурой конца 1980-х — начала 1990-х гг.) представлениям о состоявшемся торжестве стабильной геополитической и геоэкономической конструкции («конце истории», согласно идеологеме Ф. Фукуямы [21]).

Нестатичны, поливариантны, впрочем, не только современные структуры международных отношений, но и представления о «геополитике», ее сущности, предметно-объектной сфере. Согласно предельно емкому определению, данному Ивом Лакостом, ведущим французским теоретиком в области современных геополитических процессов, геополитика являет «любое соперничество сил над территорией» [27]. Этому подходу созвучны и представления о «геополитике», культивируемые в среде российских географов-обществоведов: геополитика — это наука, сфокусированная на «выявлении географии отношений между центрами политической силы в мире» [19, с. 30], а также на «изучении влияния свойств территории на политику государства, расположенного на этой территории» [15, с. 113]. Характерно, что в последнее время все возрастающее внимание в геополитических исследованиях (в русле «критической» геополитики) при этом фиксируется не только на положении страны в системе международных экономических, политических, культурных и иных связей, но и на месте, «отводимом ей в мире в представлениях внешних партнеров и собственных граждан» [10, с. 47].

Сквозь призму вышеизложенного понимания геополитики само словосочетание «*геополитическая турбулентность*» — не только концептуально, но и контекстно, оно вмещает ряд значимых смыслов.

Базовый смысловой акцент — это *геополитические изменения*, причем речь может идти и о динамике «свойств территории» (иначе — территориальном социально-экономическом развитии) как детерминанты политики того или иного государства, и о видоизменении баланса и пространственной архитектуры полимасштабных «центров силы», и о трансформации отношений между ними (включая динамику сфер влияния и «миграцию» соответствующих порубежных пространств), и о нестатичности бытующей геополитической картины мира. Подобные метаморфозы (зачастую их диагностируют словосочетанием «геополитическая нестабильность» [1], противопоставляя его «геополитической стабильности», понимаемой как «такой характер взаимоотношений между странами, который не изменяет баланс их исторически сложившихся... политических, экономических и военных интересов» [25]) изначально присущи геополитической турбулентности, но последнее понятие, как видится, более конкретное и сфокусированное, поскольку акцентирует лишь изменения особого рода.

Если обратиться к примеру постсоветской России, то после 1991 г. страна стремительно утрачивала былые геополитические позиции на фоне активного расширения сферы влияния структур коллективного Запада (в первую очередь — ЕС и НАТО). Тема же турбулентности в российском геополитическом дискурсе обозначилась лишь в последнее десятилетие, причем наиболее отчетливо — с 2014 г., что, кстати, симп-

томатично и вполне закономерно. Эффекты турбулентности (*turbulentus* переводится с лат. именно как «бурный, беспорядочный») возникают лишь при следующих существенных условиях. Первое – *геополитическая полисубъектность*, то есть наличие альтернативных центров и «центриков», пусть даже самим своим существованием оспаривающих оформившуюся монополию глобальных (и региональных) государственных лидеров. В этом плане геополитическая турбулентность – продуцент и один из индикаторов многополюсного мира с присущей ему разнонаправленностью, внешней хаотичностью, непредсказуемостью процессов. Второе – латентная и явная конкуренция между геополитическими «центрами силы», проявляющаяся в *конфронтационном* характере тех или иных аспектов международных (межстрановых, межблоковых) отношений, причем отношений, что чрезвычайно важно, *социально (и экономически) значимых, рефлекслируемых обществом* и его институтами (СМИ, наука, политические организации и др.).

В изложенном выше контексте под геополитической турбулентностью целесообразно понимать *ситуационную характеристику перманентной (слабо прогнозируемой и лишь отчасти регулируемой) череды изменений как в целом глобального политического миропорядка, так и положения в нем конкретной страны и ее отдельных пространственных составляющих (регионов, крупных городских агломераций), причем изменений фиксируемых, существенных для социума и его структур, отражаемых в общественном сознании, воплощенных в научном дискурсе.*

Разумеется, турбулентность может охватывать не только собственно геополитику, но и геоэкономическую сферу, а также различные аспекты экополитики, проецироваться как на материализованные объекты, процессы, так и на ментальность (включая столь значимую для геополитики территориальную идентичность). В этом плане геополитическая турбулентность теснейшим образом взаимосвязана с полимасштабными (от планетарного измерения до уровня отдельных локалитетов, корпораций) экономическими процессами, равно как и может иметь социально-экологическую мотивацию и последствия.

Предтечей геополитической турбулентности выступают накопившиеся, обретшие остроту (в связи в том числе с геоэкономической, геодемографической, геокультурной динамикой) глобальные и региональные противоречия. Воплощением – изменения в отношениях между «центрами силы» (включая и трансформацию контуров «силовых полей», сфер доминирования, ареалов конфронтации), транзитивность геополитических взаимодействий и альянсов. Результатирующей – новая (далее продолжающая видоизменяться) геополитическая реальность, имеющая свои выраженные, в том числе и общественно-географические проекции.

Общественно-географические проекции геополитической турбулентности: актуальные российские тренды

Любого рода геополитические отношения по самой своей сути – феномены, одновременно и пространственные, и общественные, что позволяет рассматривать их как неотъемлемую часть единой обще-

ственно-географической реальности. Турбулентность в этих отношениях, следовательно, закономерно воздействует не только на собственно геополитические структуры, но и на другие пространственные аспекты общественного бытия, в своей совокупности оконтуриваемые предельно широкой по своему содержанию, интегрирующей категорией «территориальная организация общества» (ТОО).

Представления о ТОО (понимаемой как «формирование системы использования территории группами людей» [16, с. 378], «человеческий опыт эффективного использования земного пространства» [26]) как явлении в наибольшей мере объединяющем, синтезирующим многообразие общественно-географической реальности, зародились на рубеже 1960–1970-х гг. Согласно классическому определению (данному Б.С. Хоревым), «понятие территориальной организации общества в широком смысле охватывает все вопросы, касающиеся территориального разделения труда, размещения производительных сил, региональных различий в производственных отношениях, расселения людей, взаимоотношения общества и природы, а также проблемы региональной социально-экономической политики» [22, с. 3]. Именно с концептом ТОО принято соотносить такие фундаментальные (и при этом изменчивые, зависящие от внешних конъюнктур) общественно-географические явления, как географическое разделение труда, специализация и кооперирование, концентрация и агломерационные тенденции, пространственное социально-экономическое формирование и др. [24]. Проблематика ТОО вмещает и все более значимый для нее геополитический аспект.

Геополитические процессы и отношения изначально «формируют» базовые структуры ТОО (отдельные страны и их регионы, межгосударственные объединения) и, наряду с этим, воспроизводятся, эволюционируют в их матрице. Будучи в существенной мере порожаемой всей общественно-географической динамикой, геополитическая турбулентность, в свою очередь, проецируется на ТОО (и ее отдельные составляющие, сопровождаясь реструктурированием ТОО, ее «переоценкой»). Причем, как свидетельствует в том числе и ситуация в современной России, — по целому ряду направлений.

На планетарном уровне (в условиях фактического передела мира [9]) турбулентность ведет, с одной стороны, к эскалации интеграционных процессов (в попытках центров силы удержать и «застолбить» сферы своего влияния), с другой — к дальнейшей фрагментации пространства, что сопровождается расширением «буферных зон» и ареалов нестабильности. Во многом с нарастающей (латентной вплоть до «мюнхенской речи» В.В. Путина в 2007 г.) турбулентностью в системе «Россия — Запад» связаны усилия РФ в области евразийской интеграции. Логика разворачивающейся геополитической конфронтации в Арктике (где к тому же сконцентрировано 22 % мировых неразведанных запасов углеводородного сырья, в том числе 30 % неразведанных запасов природного газа, 20 % — газового конденсата и 13 % — сырой нефти [7]) в весомой мере инициирует и стратегию «реосвоения» Россией своего Северного порубежья. На этом фоне сохраняется, нарастает

геополитическая аваркия, что достаточно явственно проявляется и в российском геополитическом дискурсе, где значимы позиции «островного» видения страны [22], самоощущения ее глобального «одиночества» [17], отсутствия у Российской Федерации устойчивых отношений союзничества.

На страновом уровне геополитическая турбулентность порождает более четкое обособление в ТОО ее «ключевых» пространственных составляющих (с позиций обороноспособности, экономики, геополитического имиджа), а также регионов — «слабых звеньев», требующих особого внимания и соответствующих адаптивных социально-экономических стратегий. Особенность современной России — чрезвычайная множественность (и многообразие) таких территорий. Показательно, что в действующей «Стратегии пространственного развития России до 2025 года» не просто задействована категория «геостратегическая территория». В этом качестве рассматривается подавляющее большинство (48!) субъектов федерации.

Геополитическая турбулентность инициирует также многовекторность взаимодействий страны, требует дублирования инфраструктур ее трансграничных коммуникаций. Внешне это выглядит как диверсификация и деконцентрация, но фактически все более дефицитные в условиях турбулентности инвестиционно-финансовые ресурсы аккумулируются в ограниченном числе центров страны, а сама турбулентность существенно повышает совокупные общественные издержки, одновременно снижая эффективность (в том числе и социальную) функционирования ТОО в целом и ограничивая возможность сбалансированного развития ее отдельных пространственно-обособленных составляющих.

Благодаря турбулентности в масштабе той или иной юрисдикции дополнительный импульс получают центростремительные процессы (в российской ситуации воспринимаемые как пролонгация «москвоцентричности» [4]). Параллельно рельефнее высвечиваются значение и специфика приграничных, иноэтнических территорий, а также приморских зон (последние занимают не менее 10 % площади страны и концентрируют почти 11 % ее населения).

Очерчиваемая категорией «турбулентность» реальность инициирует нарастающую активность во внешних «сферах интересов» страны (в том числе и мифологизированных), что, следовательно, повышает в ТОО роль порубежных транспортных коридоров и территорий (регионов, городских агломераций), способных выступать в качестве геополитических и геоэкономических «опорных баз». В Центральной Европе подобную роль способен играть Калининградский эксклав, в Причерноморье — Севастополь, для юго-восточной Украины — Ростовская агломерация и др. Ситуация турбулентности, впрочем, одновременно лимитирует трансграничные взаимодействия (дезагрегируя ранее сложившиеся трансграничные регионы), перенося акцент на внутрискановое экономическое комплексобразование, на приоритетное развитие высокотехнологической (с акцентом на оборонную промышлен-

ность) сферы. Сопряженность ТОО с процессами геополитической турбулентности в итоге — многоаспектная; в полной мере характерна она и для Западного порубежья Российской Федерации.

**Регионы Западного порубежья России
в условиях геополитической турбулентности:
типологическая инвариантность экономической динамики**

Порубежье — категория не только лимнологическая, но и геополитическая, позволяющая обозначить пограничье и сопредельные с ним регионы в условиях резко возросшего (производимого множеством объективных и субъективных факторов) межгосударственного, межблокового, межцивилизационного противоборства [5]. Масштаб и острота последнего, предопределяя специфичность тех или иных составляющих данного пространственного феномена (и их «особую ценность» в рамках всего ТОО), продуцирует «порубежные характеристики», инициируя тем самым как концептуализацию, так и делимитацию порубежья, его обособление во всей бытующей множественности общественно-географических структур. В этом плане порубежье (как особый общественно-географический таксон) выступает непосредственным порождением процессов геополитической турбулентности и в то же время являет собой ареал со специфическими, весьма неравнозначными «от места к месту» эффектами от складывающейся под ее воздействием внешнеэкономической и внешнеполитической конъюнктуры.

Современная Россия — во многом приграничная и «порубежная» держава [3]. На выходящие к государственным границам (сухопутным и морским) субъекты федерации приходится почти 77 % территории страны, более 48 % демографического и 41 % — экономического потенциала (по ВРП). Существенная (43 %) часть порубежного населения и экономики приграничных регионов (41 %) сконцентрированы при этом на западе (юго-западе, северо-западе) страны в 17 субъектах Российской Федерации, в свою очередь различающихся своими характеристиками и проявляющих выраженную типологическую инвариантность [6].

В пределах российского Западного порубежья уместно, в частности, группировать регионы по параметру широтной зональности (северные, южные и др.), по местоположению в центрo-периферийной системе страны (в том числе и наличию крупных агломераций), по «объему» экономики и демографическому «весу» и т. д. Возможна типологизация и с учетом фактора турбулентности, то есть связанных с геополитической динамикой (правда, не всегда напрямую) экономических изменений (особое место в подобной группировке в силу своей позиционной, структурной и ментальной специфики [8; 20] изначально занимает российский эксклав на Балтике, а также субъекты РФ Крымского полуострова).

Вступление России и коллективного Запада в фазу открытого соперничества чаще всего хронологически соотносят [18] с крымским референдумом и началом войны в Донбассе. Значимой региональной типологической характеристикой предстает в этой связи динамика ВРП в

Западном порубежье России (соотнесенная со среднероссийским трендом) за 2013–2016 гг., а также «компенсирующая» негатив турбулентности активность Российской Федерации в форме безвозмездных перечислений в бюджеты регионов Западного порубежья (табл. 1).

Таблица 1

Изменение отношения к среднему по стране душевого ВРП регионов Западного порубежья России, а также их доля в безвозмездных перечислениях в бюджеты субъектов РФ за 2013–2016 гг.

Регион	Отношение душевого ВРП к среднему по стране			Доля в безвозмездных перечислениях из федерального бюджета, %		
	2013	2016	Изменение за 2013–2017, п. п.	2013	2016	Изменение доли, п. п.
Архангельская область	1,11	1,24	0,13	1,21	1,10	–0,11
Ненецкий АО	10,71	12,33	1,62	0,19	0,12	–0,07
Мурманская область	1,05	1,19	0,14	0,44	0,43	–0,01
Республика Карелия	0,75	0,79	0,04	0,51	0,80	0,29
Санкт-Петербург	1,30	1,51	0,21	2,73	1,47	–1,26
Ленинградская область	1,02	1,08	0,06	0,63	0,55	–0,08
Калининградская область	0,76	0,81	0,05	0,76	2,63	1,87
Псковская область	0,46	0,47	0,01	0,70	0,67	–0,03
Смоленская область	0,62	0,58	–0,04	0,51	0,49	–0,02
Брянская область	0,47	0,49	0,02	1,30	1,65	0,35
Курская область	0,64	0,69	0,05	0,76	0,80	0,04
Белгородская область	0,98	0,99	0,01	1,46	1,16	–0,30
Воронежская область	0,70	0,76	0,06	1,52	1,35	–0,17
Ростовская область	0,57	0,64	0,07	2,22	2,20	–0,02
Краснодарский край	0,82	0,79	–0,03	2,16	2,08	–0,08
Республика Крым	...	0,35	4,65	...
Севастополь	...	0,32	0,67	...

Источник: данные Росстата.

Как свидетельствует статистика, экономика регионов российского Западного порубежья в «посткрымский» период целом продемонстрировала повышенную (в сопоставлении со средней по стране ситуацией) резистентность к эффектам турбулентности. Лишь в 4 регионах в 2015 г. (Калининградская, Псковская и Смоленская области, а также Краснодарский край) зафиксирован отрицательный индекс физического объема ВРП. Лишь в двух субъектах федерации (Краснодарский край и Смоленская область) за 2013–2016 гг. душевой ВРП снизился к среднему по стране. Это связано, полагаю, и с инерцией ТОО, и со структурными особенностями экономики западных порубежных территорий. На этом фоне за исследуемый период для 11 регионов порубежья их доля в безвозмездных перечислениях из федерального бюджета была сокращена. Среди существенно нарастивших объем федеральных дотаций (помимо территорий Крыма) — Калининградская и Брянская области, а также Республика Карелия.

В итоге, анализируя «поведение» экономических систем Западного порубежья России за 2013–2016 гг. и политику их бюджетной поддержки из федерального центра, можно выделить следующие типологические группы регионов (табл. 2).

Таблица 2

Типологическая группировка регионов Западного порубежья России по степени резистентности к геополитической турбулентности и «компенсирующей» федеральной поддержке за 2013–2016 гг. (без Республики Крым и Севастополя)

Изменение доли региона в совокупных безвозмездных перечислениях в бюджеты субъектов РФ	Изменение позиций в экономическом пространстве страны		
	Ослабили	Существенно не изменили	Укрепили
Нарастили долю	–	<i>Республика Карелия, Калининградская и Брянская области</i>	–
Доля практически не изменилась	<i>Смоленская область, Краснодарский край</i>	<i>Псковская, Курская, Ростовская области</i>	<i>Мурманская область</i>
Сократили долю	–	<i>Ленинградская область, Воронежская область</i>	<i>Архангельская область, Ненецкий АО, Санкт-Петербург</i>

13

Подавляющая часть регионов Западного порубежья, таким образом, преодолела кризисную траекторию 2014–2016 гг. более успешно, чем другие составляющие ТОО России. И лишь в 3 субъектах (кроме, разумеется, Республики Крым и Севастополя, пребывающих в особых социально-экономических условиях) дополнительные меры федеральной поддержки оказались мотивированы не только непосредственно ситуацией в хозяйственном комплексе, но и геополитическими соображениями, позволяя рассматривать Брянскую область, Республику Карелия и особенно Калининградскую область как приоритетных (и экстренных!) получателей своего рода «геополитической ренты».

Заключение

Характерное для современного исторического периода ширящееся противостояние глобальных и региональных «центров силы», их нарастающее геоэкономическое и геополитическое соперничество активизируют геополитическую турбулентность, актуализируют соответствующую исследовательскую проблематику, требуют первостепенного внимания к общественно-географическим факторам, проявлениям и последствиям геополитических процессов, в том числе в пространственном контуре Российской Федерации, ее Западного порубежья.

Исследование выполнено в рамках гранта РНФ № 18-17-00112 «Обеспечение экономической безопасности регионов Западного порубежья России в условиях геополитической турбулентности».

Список литературы

1. *Артемова Е.И., Петрова А.Ю.* Развитие торговых отношений России и стран ЕС в условиях геополитической нестабильности // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрно-университета. 2015. №112. С. 1236–1247.

2. *Горочная В.В., Дружинин А.Г.* Индикация экономической безопасности приграничного региона в условиях геоэкономической турбулентности (на примере Ростовской области) // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2019. №1. С. 96–106.

3. *Дружинин А.Г.* Россия в многополюсной Евразии: взгляд географа-обществоведа. Ростов н/Д, 2016.

4. *Дружинин А.Г.* Пролонгация «москвоцентричности» российского пространства: pro et contra // Полис. Политические исследования. 2018. №5. С. 29–42.

5. *Дружинин А.Г.* О феномене «западное порубежье России» // Региональные исследования. 2018. №3 (61). С. 35–44.

6. *Дружинин А.Г.* Западное порубежье России: делимитация, структурирование, типологизация // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Естественные и медицинские науки. 2019. №1. С. 5–16.

7. *Ивашов Л.Г., Кефели И.Ф.* Морская мощь российской Арктики: геополитический аспект // Морской сборник. 2012. Т. 1983, №6. С. 43–49.

8. *Клемешев А.П., Корнеев В.С., Пальмовский Т., Студжиницки Т., Федоров Г.М.* Подходы к определению понятия «Балтийский регион» // Балтийский регион. 2017. Т. 9, №4. С. 7–28.

9. *Колосов В.А., Мироненко Н.С.* Геополитика и политическая география. М, 2002.

10. *Колосов В.А.* Критическая геополитика: основы концепции и опыт ее применения в России // Политическая наука. 2011. №4. С. 31–52.

11. *Красоченков Д.А.* Экономический рост и мирохозяйственные связи в условиях глобальной турбулентности: тренды и проблемы // Международная аналитика. 2018. №3 (25). С. 108–125.

12. *Купин В.Н.* Турбулентность глобальных геополитических процессов и проблемы национальной безопасности // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2019. №2 (127). С. 34–44.

13. *Лавров С.Б.* Интеграционные тенденции в географии // Советская география. Л., 1984. С. 28–41.

14. *Лавров С.Б.* Геополитика: возрождение запретного направления // Известия РГО. 1993. Вып. 4. С. 36–41.

15. *Потоцкая Т.И., Сильнича А.В.* Состояние географических исследований в современной России // Балтийский регион. 2019. Т. 11, №2. С. 112–135.

16. *Саушкин Ю.Г.* Экономическая география: история, теория, методы, практика. М., 1973.

17. *Сурков В.* Одиночество полукровки (14+) // Россия в глобальной политике. 2018. №2. URL: <http://www.globalaffairs.ru/global-processes/Odinochestvo-polukrovki-14-19477> (дата обращения: 22.03.2020).

18. *Тимофеев И.* Угрозы для России: из прошлого в будущее // Россия в глобальной политике. 2020. №1. URL: <https://www.globalaffairs.ru/articles/opyat-trojka/> (дата обращения: 13.03.2020).

19. *Туровский Р.Ф.* Политическая география. М.; Смоленск, 1999.

20. *Федоров Г.М., Михайлов А.С., Кузнецова Т.Ю.* Влияние моря на развитие экономики и расселения стран Балтийского региона // Балтийский регион. 2017. Т. 9, №2. С. 7–27.

21. Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии. 1990. №3. С. 84–118.
22. Хорев Б. С. Территориальная организация общества. М., 1981.
23. Цымбурский В. Л. Остров Россия. Геополитические и хронополитические работы разных лет. 1993–2006. М., 2007.
24. Чистобаев А. И., Шарыгин М. Д. Экономическая и социальная география: новый этап. Л., 1990.
25. Швец А. Б. Геополитическая стабильность и вызовы Причерноморья // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2018. Т. 4 (14), №2. С. 19–29.
26. Morrill R. I. The spatial organization of society. Belmont, 1970.
27. Lacoste Y. La géographie, la géopolitique et le raisonnement géographique // Herodote – La géopolitique, des géopolitiques (146–147, troisième et quatrième trimestres 2012). P. 3–21.

Об авторе

Александр Георгиевич Дружинин – д-р геогр. наук, директор, Северо-Кавказский НИИ экономических и социальных проблем Южного федерального университета; ведущ. науч. сотр., Институт географии РАН; проф., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: alexdru9@mail.ru

The author

Prof. Alexander G. Druzhinin, Head of the North-Caucasus Research Institute of Economic and Social Problems, Southern Federal University; Leading Researcher, Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences; Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: alexdru9@mail.ru